

Нельзя установить также, чем косили сено в области распространения косы-стойки (№ 15), так как в тексте сказано, что она применялась лишь для уборки хлебов.

Карта о формах столов (№ 40) имеет два знака для стола с крестовидными ножками, и в тексте сообщается о двух его разновидностях, но неясно, какой из знаков к какой из них относится.

Уточнений требуют, по нашему мнению, карты о пище, что неудивительно, поскольку это особо сложный и вообще менее разработанный раздел этнографии. Так, например, карта о заварном хлебе (№ 48) отражает состав муки (чистая мука, мука с примесью солода и т. д.); в тексте же содержится описание локальных различий в способах приготовления теста — невольно хочется увидеть их на карте. Того же типа замечание вызывают карты о пирогах с рыбой. Картографируются две основные разновидности этих пирогов — восточный рыбник и западный «рыбный хлеб» — явления разного происхождения. Но текст дает сведения о трех видах рыбников с указанием территории их распространения (два карельских варианта и савоский) — этих данных на карте, к сожалению, нет (№ 49).

Некоторые вопросы остаются не совсем ясными при рассмотрении карт о толокне (№ 52, 53). Первая из них дает распространение толокна различного состава (ячменного, овсяного, смешанного), текст уделяет должное внимание и разным способам его употребления в пищу (в виде заварной каши на востоке и холодным, преимущественно с простоквашей тянущегося типа — на западе). Границы распространения этих двух форм не совсем четки, так как указывается, что второй способ относится к толокну смешанного состава и распространен там, где готовят простоквашу тянущегося типа. При этом дается отсылка на карту № 57. Однако ареалы тянущейся простокваши и смешанного толокна значительно расходятся. На карте № 53 нанесена граница распространения заварного толокна, но относится ли она к толокну вообще или только к обрядовому его употреблению, не уточнено.

Разумеется, все эти замечания касаются лишь некоторых желательных дополнений к атласу и ни в коей мере не уменьшают его ценности.

При знакомстве с «Атласом финской народной культуры» естественно возникает мысль, что советским этнографам, в первую очередь тем, кто занимается подготовкой «Историко-этнографического атласа Прибалтики», следовало бы учесть тематику финского атласа при выборе новых тем для картографирования. Картографирование таких элементов материальной культуры, как пища, транспортные средства, без сомнения, позволит сделать весьма ценные выводы. Очень интересно, в частности, сопоставление результатов картографирования этих элементов с рецензируемым атласом. Последний, несомненно, надолго станет важным источником научной информации и необходимым справочником для этнографов, занимающихся культурой финно-угорских народов и их соседей. Следует также пожелать финским коллегам успеха в завершении работы над вторым, фольклорным выпуском «Атласа финской народной культуры».

А. О. Вийрес, Н. В. Шлыгина

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Б.-Р. Логашова. Туркмены Ирана (историко-этнографическое исследование). М., 1976, 158 стр.

Советское востоковедение обладает давними традициями в изучении истории и этнографии народов Ирана. Первые труды в этой области в СССР появились еще в начале 20-х годов. В течение последних лет советские исследователи опубликовали ряд интересных монографий и статей, посвященных как общим проблемам — состоянию национального вопроса, этническим и национальным процессам, так и истории, современному положению неперсидских народов и племен Ирана¹.

Появление подобных трудов способствует более глубокому изучению современного Ирана, ибо без учета национального вопроса нельзя составить объективного представления об иранском обществе. Не случайно автор рецензии на книгу «The Land of Iran»² справедливо критикует одного из основных авторов этого издания за игнорирование этнических, религиозных и социально-культурных различий в этой многонациональной стране. Кстати, автор упомянутой рецензии обращает внимание и на то, что

¹ См. «Библиография Ирана». М., 1967, с. 104—112. См. также: М. С. Иванов. Племена Фарса кашкайские, хамсе, кухгилуйе, мамасани. М., 1961; В. В. Трубецкой. Бахтиары. М., 1966; М. Г. Пикулин. Белуджи. М., 1959; Х. Атаев. Национально-освободительное движение в Хорасане. Ашхабад, 1963; О. Гвилава. Туркмены Ирана. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).

² В. В. В. Fischer. The Land of Iran. Cambridge, 1968.

в этой обширной и претендующей на обобщение книге «упомянута лишь одна из новейших советских работ по этнографии Ирана»³.

Собственно «туркменская тематика», т. е. изучение истории и этнографии туркмен, за последнее время обогатилось исследованиями Х. Атаева, О. Гвилава, Б.-Р. Логашовой и других авторов. Недавно вышедшая в свет рецензируемая книга Б.-Р. Логашовой, несомненно, займет особое место среди этнографических работ по Ирану.

Монография Б.-Р. Логашовой — вдумчивое и кропотливое исследование о современном положении и истории туркмен. В предисловии к книге автор дает краткий обзор советских и зарубежных исследований по истории и этнографии иранских туркмен. Первая глава посвящена рассмотрению таких важных вопросов, как происхождение, численность и родо-племенной состав туркмен Ирана. Несмотря на то, что материал данной главы изложен в сжатой форме, читатель получает ясное представление о прошлом иранских туркмен и о землях, где они обитают. Соглашаясь во многом со взглядами автора на историю иранских туркмен, тем не менее хочется остановиться на одном важном, на наш взгляд, вопросе. Б.-Р. Логашова пишет, что туркменская народность «в основных чертах сформировалась к XIV—XV вв.». Она подчеркивает, что основу туркменской народности «составили туркменские племена, издавна населявшие Северный Туркменистан, Усть-Урт и Мангышлак». Далее автор пишет: «В XVI в. туркменские племена были расселены и на территории Ирана» (стр. 14).

Нам представляется, что огромную роль в консолидации туркменской народности сыграли те туркменские племена, которые составляли основную военную опору монгольского государства Тога Теймура в Горгане в начале XIV в. Судя по данным исторических источников, основное ядро этих туркменских племен мигрировало в Горган из Средней Азии. И хотя формально власть в Горгане в начале XIV в. принадлежала Тога Теймуру и его преемникам, фактически она была сосредоточена в руках эмира Вели и его потомков, представителей туркменской знати⁴. Верхушка туркменских племен сохраняла в Горгане свои позиции как одна из главных политических сил и в последующие столетия. При рассмотрении истории консолидации туркменской народности на эти данные следует обратить особое внимание.

Хорошее знание истории и быта советских туркмен позволило Б.-Р. Логашовой глубже изучить социальный строй и быт туркмен Ирана. Главы II и III, посвященные хозяйству, материальной культуре и общественным отношениям, читаются с большим интересом. Автор показывает, что, несмотря на превращение местностей, заселенных туркменами, в главный район хлопководства страны и сравнительно высокий уровень механизации сельскохозяйственного производства, уклад жизни основной массы туркмен Ирана во многом сохраняет традиционные черты. Симптоматично, что один из иранских публицистов, склонный акцентировать внимание на переменах среди туркмен Ирана, пишет о том, что на улицах города Гомбед-Кабуса в настоящее время чаще можно встретить туркмен, едущих на современных автомобилях и мотоциклах, чем на знаменитых туркменских конях. Однако этот же автор признает, что образ жизни туркмен Ирана сохраняет свою традиционность и отличается «скромностью».

Центральное место в главе III занимает исследование характера общественных отношений в сельских районах туркменских земель Ирана, как во время осуществления аграрных реформ, так и до их проведения. В целом Б.-Р. Логашова верно обозначила ход процесса трансформации общественных отношений в туркменской деревне — от полufeодальных к капиталистическим, особенно ускорившийся с начала 60-х годов. Несколько слабее показаны социальная структура и общественные отношения в туркменских городах Гомбед-Кабусе, Горгане, Мораве-Тепе и др.

В разделе «Народное образование» Б.-Р. Логашова особое внимание обращает на культурную отсталость в туркменских районах Ирана, объясняя это, в частности, политикой игнорирования прав неперсидских народов, проводимой шахским правительством. Запрещая туркменским детям получать образование на родном языке, препятствуя распространению и популяризации среди иранских туркмен культурных и научных достижений Советского Туркменистана, иранское правительство, главным образом в целях пропаганды своей политики и восхваления существующего строя, ведет на туркменском языке специальные передачи по радио г. Горгана (стр. 108).

Политика иранского правительства в отношении туркмен специально рассмотрена в последней главе — «Туркмены в общественно-политической жизни Ирана». В этой главе прослеживается также процесс распространения фактической власти иранского правительства в туркменские районы в последней четверти XIX в., чему, как справедливо отмечает автор, в немалой степени способствовала политика царского правительства (стр. 115) в Средней Азии и северо-восточном Иране. Особое внимание уделено в последней главе особенностям освободительного движения среди туркмен Ирана после победы в России Великой Октябрьской социалистической революции.

Содержательное исследование Б.-Р. Логашовой значительно расширяет наши представления по истории и этнографии туркмен Ирана и является заметным вкладом в советскую историко-этнографическую литературу.

С. М. Алиев

³ «Bulletin of the School of Oriental and African studies». London, 1970, p. 406.

⁴ См. Натанзи. Монтaxeб ат-таварих. Тегеран, 1957, с. 158—160 (на перс. яз.); Кази Ахмед Гаффари. Тарих алемара. Тегеран, 1964, с. 218, 219 (на перс. яз.).